

ширением науки против ересей розньных / С. Зизаний. – Вильна: Друк. Брацкая, 1596.

7. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: Избранные произведения XVI – начала XIX в. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1962. – 524 с.

8. Переписка литовского канцлера Льва Ивановича Сапеги // Литовские епархиальные ведомости за 1893 год. – Вильна, 1895. – С. 72–75.

9. Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Пб.: Тип. А. Траншеля, 1878. – Кн. 1 (Русская историческая библиотека. Т. 4). – 1448 с.

10. Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Пб.: Тип. А. М. Котомина и К0, 1882. – Кн. 2 (Русская историческая библиотека. Т. 7). – 1820 с.

11. Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Пб.: Сенатская тип, 1903. – Кн. 3 (Русская историческая библиотека. Т. 19). – 1300 с.

12. Памятники философской мысли Белоруссии XVII – первой половины XVIII в. / В. В. Дубровский, М. В. Кашуба, С. А. Подокшин и др. – Минск: Навука і тэхніка, 1991. – 319 с.

13. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1975. – Т. 32. – 235 с.

14. Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны / Уклад., уступ. арт. і камент. У. Г. Кароткага. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – 309 с.

15. Саверчанка І. В. Старажытная паэзія Беларусі: XVI – першая палова XVII ст. / І. В. Саверчанка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 254 с.

16. Сборник документов, уясняющих отношения латино-польской пропаганды к русской вере и народности. – Вильна: Тип. И. Блюмовича, 1865. – Вып. 1. – 132 с.

17. Сборник документов, уясняющих отношения латино-польской пропаганды к русской вере и народности. – Вильна: Тип. губ. правл. 1866. – Вып. 2. – 281, VIII с.

18. Старостенко В. В. Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X–XVII вв.) / В. В. Старостенко. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2001. – 200 с.

*Усманов С. М.
г. Иваново, Россия*

ПОСТСОВЕТСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В НАСЛЕДИИ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ПУТИ МЕРТВЫЕ И ЖИВЫЕ

После распада СССР Россия и ее соседи столкнулись с целым рядом огромных и трудноразрешимых проблем. Многие испытания прошедших двух десятилетий постсоветской эпохи еще далеко не прояснили дальнейшие пути развития новых независимых государств не только в практической, реальной политике, но и в сфере ее осмысления. Предлагаемые различными экспертами и навязываемые извне «центрами силы» правила «шахматной игры» в этой обширной части современного мира срабатывают очень плохо и не обещают обнадеживающих перспектив.

В этой связи стоило бы еще раз отметить явную недостаточность постсоветских исследований и в современной России. После десятилетия почти полного игнорирования такого рода проблематики в начале XXI столетия мы наблюдаем всплеск интереса к трансформациям как на всем постсоветском пространстве, так и в некоторых его государствах – главным образом, оказавшихся в водовороте «цветных революций» прошедшего десятилетия. Однако вызванный данными событиями вал комментариев, оценок и прогнозов, данных «ведущими экспертами» и «нашими обозревателями», также продемонстрировал явную недостаточность большинства их авторов. Здесь дело зачастую сводится лишь к констатациям очевидного, эмпирическим наблюдениям и выписываниям рецептов применения патентованных образцов.

Между тем в богатом наследии российской общественной мысли имеется значительный потенциал, который мог бы стимулировать и нынешние постсоветские исследования. Мы имеем в виду, прежде всего, размышления многих ученых и общественных деятелей Русского Зарубежья о будущем России и окружающего ее мира.

Показательно, что мода на Русское Зарубежье в современной России, а тем более в других республиках бывшего СССР, уже давно позади. В настоящее время это наследие используется очень мало, небрежно и не всегда адекватно. Вот почему, когда сейчас в Российской Федерации задаются вопросы о том, как строить отношения с Украиной, республиками Закавказья или Средней Азии – о разработках и прозрениях мыслителей Русского Зарубежья почти никто не вспоминает. А вспомнить, как нам представляется, следует.

Для нас такие искания русских мыслителей Зарубежья ценны еще и тем, что их человеческий, интеллектуальный и духовный опыт был зачастую куда более богатым и многомерным, нежели наш нынешний, подчиненный многим шаблонам и стереотипам как советского, так уже и постсоветского времени.

Действительно, раздумья авторов Русского Зарубежья о «чаемой России» (образ Ф. А. Степуна) впечатляют своим богатством, противоречивостью и неоднозначностью. В сущности, Зарубежье сумело предвосхитить практически все важнейшие альтернативы нынешнего общественного развития, все главные проблемы современности (действительные проблемы, а не раздутые модные поветрия), а также предсказать основные черты случившихся на просторах Евразии перемен.

Всматриваясь в «лицо России», представители Русского Зарубежья с горечью признавали колоссальный разрушительный охват происшедшей революционной катастрофы, выявляли характер и основные черты возникшего после нее миропорядка, в особенности той модификации «нового мира», которая с кровавой свирепостью утверждалась на просторах бывшей Российской империи. Как подчеркивали некоторые оказавшиеся в изгнании ученые и публицисты, Россия превратилась в «безымянную страну» (В. В. Вейдле), где утверждалась «диктатура импотентов» (И. Л. Солоневич). То, что это была лишь одна из вариаций общей для всех «судьбы империй» (Г. П. Федотов), русских мыслителей утешало мало.

Так или иначе, все они ставили «задачи России» на «завтрашний день». И здесь важно отметить существенное уточнение, сделанное известным писателем Иваном Шмелевым: необходимо учитывать, что дороги в будущее могут кардинально отличаться друг от друга, поскольку есть «пути мертвые и живые». Об этом же настойчиво напоминали и другие авторы Русского Зарубежья. На наш взгляд, тут мы видим чрезвычайно значимый элемент их мировидения, явно недооцениваемый современными исследователями (не случайно, видимо, столь резко выражал свое презрение к «нашей гуманитарной науке» тот же И. Л. Солоневич).

В тех вариантах общественного переустройства «на путях к будущей России», где антагонизм «живого» и «мертвого» учитывался недостаточно, неизбежно появлялись проекты – пусть более убедительные или же совсем химерические, – которым все-таки явно недоставало фундаментальности, укорененности в самих основах бытия. Так случилось, на наш взгляд, со многими исканиями евразийцев. Например, соображения евразийца Н. Н. Алексеева о федеративном государстве-сообществе в Евразии, несомненно, предвосхитило появление нынешних неустойчивых социально-политических структур на постсоветском пространстве. Однако подобная федеративность и в теории, и на практике оказывается чем-то эклектичным и бесплодным, не обнаруживая обнадеживающих перспектив на будущее.

Напротив, те мыслители Зарубежья, которые разграничивали «пути мертвые и живые», тем самым ставили вопросы о «грядущей России» куда более четко и определенно. А значит, и выводы делали весьма основательные, вне зависимости от того, достигнуты ли те рубежи, которые были ими обозначены, или нет.

В таком понимании «безымянная страна» должна «снова стать Россией» (В. В. Вейдле), восстановив оборванную Советской властью традицию, идущую от эпохи Российской империи. Далее, речь идет и о «русской нации», которая, как предвещал на закате своих дней П. А. Сорокин (по происхождению – коми) неизбежно будет развиваться. Какие здесь возможны альтернативы социально-политического устройства – это еще один очень важный вопрос, также привлекавший внимание многих авторов Русского Зарубежья. Такое устройство может быть авторитарным (И. А. Ильин), может – и демократическим (Г. П. Федотов). А может образоваться и «народная монархия» (И. Л. Солоневич). Но в любом случае «грядущая Россия» есть «живой организм» (И. А. Ильин). Даже Г. П. Федотов, который в конце своей жизни полагал, что для России «солнце свободы восходит на Западе», все-таки признавал: главное в повестке дня на «завтрашний день» – то, каким будет сам «русский человек», как он будет развиваться. Тем более не считал обоснованными «надежды на иностранцев» И. А. Ильин, еще более полувека назад предостерегавший от слишком большого увлечения сотрудничеством с внешними для России силами.

Итак, научная и общественно-политическая мысль Русского Зарубежья оставила нам богатое наследие, которое наконец-то необходимо актуализировать и использовать в наших нынешних изысканиях, в том числе и по постсоветской проблематике. Этот опыт – завет и урок всем нам в том, как именно стоило бы непредвзято, с максимальной трезвостью отвечать на вопросы о месте России в окружающем мире. Вот почему необходимо очень внимательно отнестись к предвиденьям Г. П. Федотова 40-х гг. XX в. о неизбежности становления «нового мирового порядка», «новой универсальной империи», причем, скорее всего «в результате войны». Обращает на себя внимание и убежденность Г. П. Федотова в том, что такой ход событий еще не означает «конца России» – *Finis Russiae*. Более того, Федотов предсказал, что после исчезновения Советского Союза останется как целое Великороссия, включая Сибирь, «да еще с придачей Белоруссии (вероятно)».

Неустранимость России с мировой арены с большой силой подчеркивал и И. А. Ильин, настаивавший, что «Россия – это живой организм», всякие покушения на целостность которого могут привести к необозримым бедствиям.

*Щербин М. М.
г. Могилев, Республика Беларусь*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ИДЕЙ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЕЛЬ X–XII ВВ.

Педагогическая мысль развивается под воздействием конкретно исторических обстоятельств, и поэтому изучение особенностей общественно-политического развития имеет большое значение для определения сущностных характеристик воспитательного процесса. Анализ объектов исследования в связи с условиями их существования дает возможность выявить их социальную обусловленность, определить их направленность и общественное значение.